

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало №№ 5–8, 10, 11 (2012), 1 (2013)

ЭПИЛОГ

Гостиница, в которой остановились Григорий Рубенович Левин и его внук Михаил, располагалась на Большой Садовой, недалеко от Театральной площади.

Позавтракав, они вышли на улицу. Небо над головой было голубым, без единого облачка. Солнышко уже с утра начало припекать. Повсюду стоял пьянящий запах сирени, на клумбах цвели тюльпаны, щебетали птички, радующиеся солнышку. По улице медленно ползли машины.

— Дед! Куда мы направляемся? — спросил Михаил, шурясь от солнца.

— Поймаем такси и поедем в Змиевскую балку. Хочу положить цветы на место гибели моей мамы... Я ее почти не помню, но мне рассказывали бабушки, что она была очень красивой... Работала врачом...

— А потом?

— А потом поедем к дому, в котором я родился и жил до армии. Нам еще нужно будет на кладбище пойти, отыскать могилы родных...

— За день не успеем, — протянул Михаил.

— Должны успеть! Для того и приехали. Хочу отыскать могилку Варсеник. Я даже не знаю, где она похоронена.

— Но в администрации кладбищаведут какие-то книги! А где похоронены твои деды по материнской линии?

— Не знаю... Расстреляли в двадцать пятом, а где похоронены — не знаю.

Григорий глубоко вдохнул свежий утренний воздух и произнес:

— Хватит рассуждать. А вот и такси!

К гостинице подъехала машина, из которой вышли люди, достали из багажника чемоданы и направились по ступенькам к входу.

— Свободны? — спросил Григорий Рубенович.

— Вам куда? — вопросом на вопрос ответил водитель.

— В Змиевскую балку.

— Садитесь, — кивнул водитель, искоса поглядывая на пассажиров.

Они сели и поехали. На улицах было столько транспорта, что их машина медленно, словно крадучись, продвигалась вперед.

Когда наконец подъехали к мемориальному комплексу и расплатились с водителем, солнышко уже было высоко над головой. Людей почти не было. Видно было, что недавно здесь проводились ремонтные работы, но, несмотря на это, все здесь выглядело запущенным и убогим.

Григорий Рубенович и Михаил положили цветы, купленные ими по дороге, и молча стояли у памятной доски, на которой значилось: «11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч мирных граждан Ростова—на—Дону и советских военнопленных».

— Я читал, — тихо проговорил Григорий Рубенович, — что сюда пригоняли людей колоннами, привозили на автобусах. Взрослых расстреливали, а детей убивали, смазывая губы сильнодействующим ядом.

Михаил молчал. Он с ужасом смотрел на застывшие в камне фигуры. Сердце его колотилось так, что он не мог понять: бьется ли оно или это он слышит автоматные очереди, последние крики несчастных... В нем возник дикий, незнакомый ему до сих пор страх. Взглянул на деда. Тот молча стоял у обелиска и о чем-то думал.

Потом они спустились со склона горы в балку, и с каждым шагом вниз им казалось, что все громче слышатся стоны и крики убиенных. Это была братская могила, в которой покоилось двадцать семь тысяч евреев, людей других национальностей...

Но при этом Михаилу казалось, что вместе с ужасом, наполняющим его душу, в него вливаются новые силы. Ему

хотелось жить, чтобы доказать: жизнь сильнее смерти!

Возложив цветы и закончив осмотр мемориала, они молча вышли на дорогу, поймали попутную машину и поехали в Нахичевань, на Девятнадцатую линию. Сейчас все здесь изменилось. То тут, то там поднялись к небу высокие многоэтажные дома, но это почему-то не радовало Григория Рубеновича. Он с ностальгией вспоминал городок своего детства. А вот и Девятнадцатая! Повернув к Дону, он издали увидел свой дом. Но и тот сильно изменился. Потемневшие от времени кирпичи, шиферная крыша, металлопластиковые окна... Нет, он мало напоминал дом, в котором прошло его детство!

Потоптавшись, несмело нажал на электрический звонок. Дверь открыла незнакомая старушка.

— Добрый день, — поздоровался Григорий Рубенович. — Вы извините... Кто сейчас живет в этом доме?

— А зачем тебе? Кто ты? Почему интересуешься, кто здесь живет?

— Вы не волнуйтесь, я все объясню: когда-то в этом доме я родился и жил. Правда, это было давно.

Женщина недоверчиво посмотрела на Григория Рубеновича, потом перевела взгляд на Михаила, что-то проворчала себе под нос и громко, повернувшись к открытой двери, позвала:

— Сирануш, ари, ари! Иди сюда! Может, ты помнишь? Этот мужчина говорит, что он здесь жил! Как тебе нравится?!

К ним вышла полная женщина лет пятидесяти с полотенцем в руках. Она вытерла им вспотевшее лицо и с удивлением взглянула на пришедших мужчин.

— Вы кто такие? Когда здесь жили? Мы уже здесь больше пятидесяти лет живем!

— Слушай, Сирануш, — вдруг вспомнила старуха. — Может, это кто-то из прежних хозяев? Не помню точно, но твой отец купил этот дом у Чалхушьянов. В нем никто тогда не жил, и его купили у детей, которым этот старый дом и не нужен был... Вы — Чалхушьяны?

— Почти, — неохотно откликнулся Григорий Рубенович. — Извините... Просто хотелось взглянуть на дом, в котором провел свое детство.

— Так вы заходите, заходите... Посмотрите... Мы здесь почти ничего не изменили...

— Как же не изменили?! — воскликнула Сирануш. — Газ провели, отопление сделали! Вместо сарая — гараж построили... Правда, это было очень давно! Вы заходите, посмотрите!

— Да нет, спасибо! — грустно сказал Григорий Рубенович. — Посмотрели — и ладно. Нам нужно еще и на кладбище успеть...

— Слушай, дорогой! — сказала старуха, с уважением глядя на Григория Рубеновича. — На кладбище опоздать нельзя! Не торопись туда! Посмотри, посмотри... Здесь и в соседних домах давно живут новые люди. Свою Нахичевань ты не узнаешь!

— Вы правы... Извините за беспокойство...

Григорий Рубенович повернулся и тяжело пошел наверх по направлению к улице Сарьяна.

— Теперь куда, дед? — спросил Михаил.

— Зайдем куда-нибудь, пообедаем — и на кладбище!

— Тебе же та бабка сказала, что туда торопиться не нужно! — пытался пошутить Михаил. — Может, завтра?..

— Нет, Миша! Не хочу здесь долго задерживаться. Тяжело на душе. Положим цветы на могилы...

— Если мы их еще разыщем...

— Разыщем... Потом еще нужно будет поискать родственников. Хотя я на это мало надеюсь... И больше нас здесь ничто не держит!

— Но это уже завтра! — с надеждой сказал Михаил.

— Завтра! — кивнул Григорий Рубенович.

Пообедали они в небольшом кафе

недалеко от площади Карла Маркса. Потом остановили проходящее такси и поехали на армянское кладбище.

— Здесь можно было и пешком пройти, — ворчал таксист.

— Стар я уже, — ответил Григорий Рубенович. — Находились сегодня... Ноги болят... Вы только нас подвезите к армянской церкви, что стоит на кладбище!

— Понял... Значит нужно будет заехать к южным воротам...

Прямо перед входом на кладбище возникло здание церкви, как потом они узнали, посвященной Святому Иоанну Крестителю. Церковь эту местные жители так и называли: армянская апостольская церковь Сурб Карапет.

И хотя планировка кладбища была простой и ясной — в виде сетки, Григорий Рубенович решил для начала обратиться к кому-нибудь из служащих здесь священников. Ведь как ему рассказывали, дед его когда-то был известной фигурой в Нахичевани.

Из церкви вышел священник, одетый во все черное. Увидев незнакомых людей, поздоровался и поинтересовался:

— Могу ли чем-то помочь? Вижу, вы в наших краях новенькие...

Узнав, что Григорий Рубенович — внук Григория Христофоровича Чалхушьяна, засуетился. Сказал, что попробует пригласить известного краеведа Минаса Григорьевича Багдыкова, который сможет помочь в их поисках.

Он достал из кармана мобильный телефон, набрал номер, и сказал:

— Барев, дорогой Минас Григорьевич! Я знаю, что вы интересовались историей Чалхушьяна! К нам пришел внук его... Да-да, настоящий живой внук!

Потом некоторое время слушал, что говорит Минас Григорьевич, и ответил:

— Приходите! Вы сами сможете у него это узнать...

Положив трубку в карман, сообщил: — Обещал сейчас прийти. Живет недалеко, минут через пятнадцать будет. А пока пойдемте, я вам покажу могилу Григория Христофоровича. Она здесь рядом. Недавно община восстановила памятник. Ваш дедушка был очень уважаемым человеком в Нахичевани. Много сделал для нашего города, был настоящим нахичеванцем!

Они прошли к памятнику. На гранитном камне было выбито: «Григорий Христофорович Чалхушьян. 1.07.1861 — 1.03.1939».

Рядом — могила Софьи Андреевны с табличкой, на которой с трудом можно было разобрать: «Софья Андреевна Чалхушьян. 18.11.1864 — 28.04.1947».

— Я бы хотел оставить деньги, чтобы поправили могилки моих близких.

Священник в нерешительности взглянул на гостя, потом сказал:

— Вот придет Минас Григорьевич, попросите его. Он наймет людей... Я не могу брать деньги...

Вскоре к ним подошел среднего роста мужчина с копной седых волос и заинтересованным добрым лицом.

Познакомились. Это и был Минас Григорьевич Багдыков, врач, ученый-краевед, автор статей и книг о Нахичевани.

Он много рассказал о Григории Христофоровиче, заметив, что урну с прахом его дочери Сусанны, известной поэтессы и переводчика, в 1965 году привезли из Москвы и позахоронили в могилу матери.

Он согласился взять на себя хлопоты по приведению в порядок могил Софьи Андреевны и Варсеник. Григорий Рубенович передал ему деньги и долго благодарил Минаса Григорьевича.

— Я буду вам очень благодарен за хлопоты. К сожалению, живу далеко и не могу сделать этого сам.

Они еще долго стояли у памятника, молча размышляя, каждый о своем. Потом неожиданно Минас Григорьевич сказал:

— Вы — потомок славного нахичеванца! Помните, как у Геворга Эмина? ...Мне каждый новый век

страданья приносит.

*Кто сыновей моих
по всей земле развевал?*

Кто Арарат дождем кровавым

оросил,

Под корень подкосил ростки,

что явзлелеял?

И еще:

...Мне наносил любой поднявшийся

Аттила.

Я привыкал к резне, веками жил

в плену,

Я был, как сирота, в борьбе за жизнь

упорен.

На вспаханную новью целину

Упала горсть моих тысячелетних

зерен.

Благословен мой род, его величье

свято,

Изгнанником я был —

и Родину обрел.

Я — древний армянин, ровесник

Арарата,

Чьей седины крылом касается орел.

Григорий Рубенович слушал Минаса Григорьевича, и ему приятен был этот молодой уже мужчина. От него исходила аура добра и человеколюбия.

— Вы знаете, уважаемый Минас Григорьевич, — грустно произнес Григорий Рубенович, — я чувствую себя сыном двух народов. Обоим довелось пройти много испытаний. Но выжить! И мне тоже вспомнились стихи Маргариты Алигер:

*...Я не знаю, есть ли голос крови,
только знаю: есть у крови цвет.*

*Этим цветом землю обагрила
свопочь, заклеянная в веках,
и людская кровь заговорила
в смертный час на многих языках...*

Потом они с трудом отыскивали могилу Варсеник Вартановны Манукян. Она была у самого края кладбища. Креста на могилке не было, но табличка сохранилась.

— Не знаю, могу ли я вас спросить, — замаялся Григорий Рубенович, — но здесь на армянском кладбище, наверное, захоронены и мои дедушка и бабушка по линии матери. Фамилия их — Левины. Дедушка работал врачом... Они были евреями...

— Левины? — удивился Минас Григорьевич. — Известная в Нахичевани фамилия. Может, и они ваши родственники? Евреи, говорите. Тогда, скорее всего, они могут лежать на другой стороне кладбища.

Они долго бродили вдоль могил, но отыскать захоронения Левиных так и не удалось.

Вернулись к могиле Чалхушьяна. Григорий Рубенович незаметно для себя стал раскачиваться, точно от боли. Он стоял у могилы деда—армянина, но в нем проснулись и его иудейские корни.

Он будто читал кадиш. Только слова шли не по писаному, а от изболевшейся, страдавшей души. Багдыков ждал его чуть в отдалении. Потом, проходя мимо армянской церквушки, Григорий Рубенович, считавший себя до этих минут убежденным атеистом, сказал внуку:

— Зайдем—ка в церковь, — и, не оглядываясь, направился к ступеням храма.

Спросил у служителя, где нужно поставить свечку об упокоении.

К ним подошел священник, и Григорий Рубенович прошептал:

— Помолитесь за моих родных.

— Напишите на листке их имена, — попросил тер Татеос.

Михаил достал ручку и под диктовку деда на листке бумаги написал: «Григор, София, Лев, Евгения, Рубен, Ольга, Варсеник, Леон, Степан, Серафим, Хачатур, Сусанна, Искуги, Изабелла, Натан, Сара...» Дед вспоминал всех Чалхушьянов и Левиных, вспомнил женщину, заменившую ему мать, — Варсеник Манукян, вспомнил всех, с кем ему довелось «познакомиться», спустя много лет после того как эти две семьи сначала подружились, а потом и породнились. Всех, кто жил и любил, радовался, страдал в этом благословенном городе Нахичевани. В те минуты он ощутил себя истинным нахичеванцем.